УДК 811.1/.8

КОНТРАСТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ

А. Л. Зеленецкий

Калужский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 25 ноября 2009 г.

Аннотация: *сопоставляются различные подходы к изучению языков, позволяющему выявлять черты сходства и различия анализируемых языковых систем и субсистем. С этой целью рассматриваются интерпретации терминов «сопоставительный», «контрастивный», «конфронтационный», «сравнительный». Обосновывается необходимость выработки метаязыка как эталона для выявления фундаментальных особенностей организации языковых систем.*
Ключевые слова: *типология, конфронтативная лингвистика, контрастивная лингвистика, сопоставление языков, язык-эталон.*

Abstract: *the article reviews comparative and contrastive approaches to languages. The interpretations of the terms 'comparative', 'contrastive', 'confrontative' are discussed. The author substantiates the necessity for metalanguage which can serve as an instrument for description of fundamental features of languages.*
Key words: *typology, confrontative linguistics, contrastive linguistics, language comparison*

Определение контрастивного языкознания (контрастивной лингвистики) как сопоставительного изучения «…двух, реже нескольких языков для выявления их сходств и различий на всех уровнях языковой структуры» [1, с. 239] представляется внутренне противоречивым. Совершенно очевидно, что отнесение к сфере контрастивного описания также сходств языков не согласуется с семантикой слова «контраст» [2, с. 236], что превращает сочетание «контрастивная лингвистика» в своего рода идиоматическое выражение, а само прилагательное «контрастивный» – в особый лингвистический термин со значением «относящийся к сопоставительному изучению разных языков» [3, с. 353]. Как думается, именно это противоречие явилось причиной того, что цитированная статья в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» наряду с названием «Контрастивная лингвистика» имеет также подзаголовок «конфронтативная лингвистика, сопоставительное языкознание».

Тем не менее прецеденты чисто контрастивного описания языков весьма нередки в практических грамматиках и обычно имеют целью установление тех особенностей подлежащего усвоению иностранного языка (далее – ИЯ), которые не присущи родному языку (далее – РЯ) обучаемого. Так, в большинстве пособий по практической грамматике немецкого языка указывается, что немецкий глагол имеет три формы прошедшего времени в отличие от одной формы в русском. В соответствии с этим ставится задача овладения различиями связанных с этими формами значений. Однако такого «чисто утилитарного» сравнения явно недостаточно; его некорректность состоит уже в том, что в действительности в русском языке существует не одна, а две формы прошедшего времени (совершенного и несовершенного вида), семантика которых интерферирует с представленным в западных языках значением временно́й (со)отнесенности [4, с. 73–74], вписывающимся в более широкое значение таксиса. Тем самым вместо «сугубо контрастивного» в данном случае уместнее применить своего рода «характерологический» подход к языкам (см. подробнее ниже), позволяющий представить немецку́ю и русскую системы так называемых временны́х глагольных форм соответственно как таксисно-временну́ю и видо-временну́ю. В то же время нельзя не видеть, что при характерологическом подходе создается впечатление практически полной уникальности языковых систем и их несопоставимости, хотя едва ли подлежит сомнению тот факт, что как средство передачи информации об окружающей человека объективной действительности все языки должны обладать и неким фундаментальным сходством.

Недостаточность чисто контрастивного подхода к описанию языков для обоснования методики обучения одному из них была в свое время разъяснена Г. Хельбигом, подчеркивавшим, что к ошибкам при освоении второго языка (ИЯ) ведут не только контрасты, но и сходства языков. Такой подход к языкам с учетом как их различий, так и сходств Г. Хельбиг, в отличие от большинства отечественных лингвистов, назвал «конфронтативной лингвистикой» [5, с. 9], тем самым более точно определив сущность лежащей в его основе методики лингвистического анализа. Иными словами, рассматривая контрасты языков лишь в соотнесенности с их сходствами, конфронтативная лингвистика как бы включает в себя контрастивную.

© Зеленецкий А. Л., 2010

Как важный методический просчет чисто контрастивного описания Г. Хельбиг отметил еще и то, что при нем один язык описывается через другой и выступает как цель описания (Zielsprache – обычно это ИЯ), тогда как другой язык выполняет роль исходной системы (Ausgangssprache), а потому используется лишь выборочно и представлен только в своих фрагментах [5, с. 10]. Поэтому описание исходной системы всегда оказывается в той или иной мере *неполным*, а сопоставление – в той или иной мере ущербным.

В отношении такого своего рода «однонаправленного» описания языка, обозначенного Г. Хельбигом как Einbahngrammatik, В. Д. Аракин заметил в своей «Сравнительной типологии…», что исследователь в этом случае имеет дело «…с определением типологических характеристик изучаемого языка относительно родного…» [6, с. 9], однако разъяснений о способах получения этих *типологических* характеристик (о методике исследования) он при этом не дал. В то же время совершенно очевидно, что в ряде случаев при подобном лингвистическом описании адекватных понятий для представления специфики ИЯ просто не окажется.

Так, посредством категорий русского языка невозможно описать категорию артикля западных языков, а при помощи категорий немецкого языка – категорию русского вида. Структура языка-объекта при этом неизбежно искажается. В связи с этим достаточно вспомнить об освобождении на рубеже XIX–XX вв. европейского языкознания от представления языковых фактов по традиционному греко-латинскому образцу.

Использование В. Д. Аракиным в этом случае обозначения «сравнительная типология ИЯ и РЯ» проблемы также не решает, ибо по сути дела речь идет об однонаправленном описании ИЯ через систему РЯ, хотя реально это, как было сказано, невозможно. Для получения полноценного конфронтативного сравнения часто потребуется «восполнить» недостающие места в описании отдельных языков. Это ведет к необходимости построения их *сопоставимых описаний*, что предполагает единство специального лингвистического метода и терминов. По мнению Г. Хельбига, подобное единство обеспечивают, в частности, такие направления языкознания, как генеративная грамматика, таксономическая грамматика, грамматика, направленная на содержание, дистрибутивная методика и др. [5, с. 11–12]. Иными словами, истинная *сопоставимость описаний* в конфронтативном исследовании гарантируется в первую очередь *метаязыком* лингвистики, представляющим собой, по замечанию Ю. В. Рождественского, совокупность универсальных дефиниций [7, с. 25].

Единицами этого метаязыка являются такие лингвистические понятия, как различительный признак, сема, валентность, дистрибуция, семантический падеж и т. п., хотя нельзя не учитывать, что сам по себе этот метаязык не ориентирован специально на решение задач *сопоставительного* языкознания. Для этого он должен быть своего рода *эталонной* системой (Bezugssystem у Г. Хельбига), от которой можно направляться в двух направлениях – к каждому из сравниваемых языков [5, с. 12]. Остается лишь добавить, что в принципе *эталонная система должна обеспечивать сопоставление любого количества языков* или – иначе говоря – быть максимально применимой. Тем самым истинно *продуктивное лингвистическое сопоставление возможно только в рамках типологии и при опоре на оптимальный язык-эталон.*

Своеобразную реализацию идеи Г. Хельбига получили в коллективной работе под руководством Р. Штернеманна «Einführung in die konfrontative Linguistik», где специально указано, что «…в качестве объективной, не принадлежащей ни одному из сравниваемых языков единиц сравнения, функционирует tertium comparationis... ‘третий член сравнения’» [8, с. 144], который определяется как некая содержательная величина, соотносимая с различными средствами плана выражения языков. В непосредственной связи с понятием tertium comparationis стоит также вопрос о метаязыке конфронтативного описания [8, с. 148], долженствующем методологически обеспечить как процедуру сравнения, так и надежность его результатов. Тем самым, вводя понятие «конфронтативное сопоставление», лингвисты из бывшей ГДР прежде всего стремились подчеркнуть, что оно, в отличие от контрастивного сопоставления, предполагает *целенаправленное применение языка-эталона.*

Как уже отмечено, в отечественной лингвистике традиции разграничения контрастивной и конфронтативной лингвистики не существует, так что как немецкому обозначению «kontrastive Linguistik», так и обозначению «konfrontative Linguistik» обычно соответствует термин «контрастивная лингвистика». Кроме упомянутой статьи В. Н. Ярцевой можно упомянуть также заглавие ее книги «Контрастивная грамматика» [9], прецедент перевода заглавия работы коллектива Р. Штернеманна как «Введение в контрастивную лингвистику» [8, с. 144], что вступает в определенное противоречие с намерением авторов, а также использование наименования «Контрастивная лингвистика и типология» для целого раздела материалов первых научных чтений памяти В. Н. Ярцевой [10]*.

В то же время в посмертно изданном курсе лекций Б. А. Абрамова по сравнительной типологии немецкого и русского языков применяемый автором подход весьма последовательно обозначен как *конфронта-*

* Прилагательное «контрастивный» входит также в названия трех статей этого раздела.

тивная типология, для построения которой используется язык-эталон [11, с. 176–177].

Соотношение контрастивного и конфронтативного сопоставления языков обсуждал в свое время В. Я. Мыркин, пришедший к однозначному заключению, что первое скорее уместно в рамках *дидактической* сравнительной типологии, тогда как второе – в рамках типологии *теоретической* [12, с. 76–77]. Вполне очевидно, однако, что контрастивное и конфронтативное сопоставления языков не могут быть отождествлены с типологией и – тем более – не могут рассматриваться как ее разновидности. В отличие от типологии, оба они всегда предполагают *конечный список* сопоставляемых конкретных языков (так называемых языков-объектов) и *в принципе* не претендуют на приложение к описанию любого языка. При этом, конечно же, нельзя не видеть, что эксплицитное использование в конфронтативном описании метаязыка (языка-эталона) отчасти сближает его с типологическим описанием, как это отмечал еще Г. Хельбиг [5, с. 12]. Тем не менее *чистое типологическое* описание предполагает рассмотрение языка-объекта (и всех его единиц и свойств) как частный случай «мирового языка» и – в соответствии с этим – должно обеспечиваться применением оптимальных языков-эталонов. При этом особенно существенно, что использование языка-эталона позволяет получить *типологическое описание даже одного языка-объекта,* сопоставляемого с эталоном, тогда как контрастивное и даже конфронтативное описание предполагает как *минимум два языка-объекта*. Более того, используя оптимально построенный язык-эталон, можно сопоставлять языки различной онтологии: естественные и искусственные, живые и мертвые, реально засвидетельствованные и реконструированные, естественные языки и языки программирования и т. п. Едва ли нужно поэтому специально подчеркивать, что подобная «межпредметность» типологического подхода к языку весьма актуальна для современного образования.

Иными словами, типологическое сравнение представляет собой сравнение (сопоставление) двух или более языков-объектов относительно одного и того же языка-эталона с целью выявления их типологической специфики. Его отличия от любого нетипологического суммирует табл. 1.

В связи с изложенным пониманием типологического сравнения требуется внести определенное уточнение в понимание термина «характерология». Согласно Ю. В. Рождественскому характерология представляет собой сопоставительное исследование, выполненное на ограниченном (конечном) числе языков и строящееся на основе открытого списка дифференцирующих классификационных признаков. Напротив, типология базируется на закрытом (конечном) списке признаков и предполагает свою «приложимость» к неограниченному числу языков [7, с. 43–45].

В то же время более существенной особенностью характерологии представляется не число вовлекаемых в лингвистическое описание языков, а сама *исходная посылка* такого описания, состоящая, согласно В. Скаличке, в выявлении внутренней типологической специфики конкретного языка (цит. по: [13, с. 534]). То обстоятельство, что первоначально такое исследование было направлено преимущественно на установление особенностей группы родственных языков [14, с. 513], принципиально типологической ориентации характерологического исследования не снимает. Тем самым, как справедливо отметил В. А. Виноградов, характерология с полным правом может быть включена в состав типологии как раздел последней, а закрытость списка языков является скорее основанием для ее отграничения от другого раздела типологии – систематологии [15, с. 237–238]. Более того, нельзя не учитывать, что список типологически описываемых языков всегда – по объективным причинам – оказывается конечным, а потому и специфика характерологии обусловлена не столько ее материалом, сколько ее *методом*.

Как кажется, характерологический подход противопоставляется прежде всего универсологическому, направленному на установление конечного перечня всеобщих свойств открытого множества языков. При этом универсология и характерология предстают как два базисных раздела типологии в широком смысле слова, над которыми «надстраивается» использующая их данные классификация языков – систематология [16, с. 3–4; 17, с. 31–32]. Тем самым открывается возможность оптимального сочетания универсологического и характерологического подходов к языку, когда все особенное и

Таблица 1

Характер сравнения	Характер языка	Число языков	Характер выводов
Нетипологическое	Конкретный	Не менее двух	Частные
Типологическое	Любой	Не менее одного	Общие

единичное в языке рассматривается как реализация всеобщего, а язык-объект выводится путем упорядоченного исчисления (языка-эталона) из некой гипотетической минимальной системы и предстает как одно из проявлений мирового языка. Устанавливаемые при этом отношения большей или меньшей степени развитости (ни в коем случае не развития!) или сложности языков-объектов, обозначенные Ю. В. Рождественским как псевдогенетические или псевдохрония [7, с. 63–65], имеют определенную лингводидактическую ценность, ибо позволяют не только адекватно выделить в рамках системы ИЯ объекты обучения, но и удачно увязываются с дидактическим принципом восхождения от простого к сложному [17, с. 7–18].

Нетрудно увидеть, что при описании конкретного языка (языка-объекта) через категории другого конкретного языка такой результат не достигается: переход к одному конкретному языку от другого, принятого за исходную систему (точку отсчета, эталон; Ausgangssprache, Bezugssystem), неизбежно оказывается свертыванием последней – в одном случае и ее развертыванием – в другом. Так, очевидно, что описание немецкого консонантизма и падежной системы при использовании в качестве исходной системы русского языка достигается за счет свертывания отношений эталона, тогда как соответствующее описание немецкого вокализма и глагольного времени, наоборот, получается посредством их развертывания. Естественно, при описании системы русского языка через категории немецкого возникает зеркальная картина.

Таким образом, кроме указанных в табл. 1 признаков типологического и нетипологического сравнения следует указать также, что они различаются своим отношением к языку-эталону, теория которого специально разрабатывается в типологии. В то же время конфронтативное (и тем более – сугубо контрастивное) сравнение этой проблематики практически не касается.

В связи с этим достаточно сослаться на пример использования tertium comparationis в упомянутой работе группы Р. Штернеманна, где приведены способы обозначения предстоящего события в западноевропейских языках [8, с. 145–146] (табл. 2).

Нетрудно увидеть, что tertium comparationis выступает здесь не более как частный случай *метаязыка*, но *не как язык-эталон.* Напротив, падежная система русского языка, как она описана Р. О. Якобсоном, предстает в интерпретации Ю. С. Степанова [18, с.119–125] как эталон для сравнения падежных систем языков, не имеющих так называемых локальных падежей:

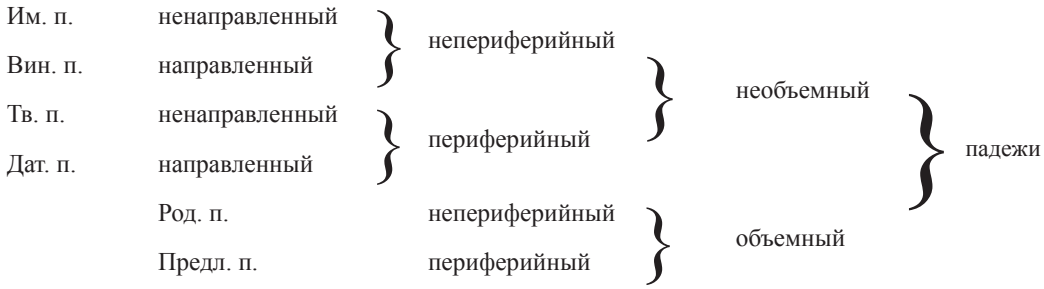

Таблица 2

Немецкий язык	Английский язык	Французский язык
1. Футурум: *Ich werde (morgen) kommen*	1. *shall* / *will* – Future indefinite: *Whatever will he say?*	1. Future simple: *Je viendrai*
2. Презенс в значении будущего: *Ich komme morgen*	2. Future continious: *He'll be coming in a few days*	2. Présent в значении будущего: *Je vais au théâtre aprèsdemain*
	3. Future с «going to»: *He is going to give me the book next week*	3.«aller + инфинитив»: *Je vais venir…*
	4. Présent в значении будущего: *He goes to Berlin on Saturday*	

Как известно, в этот эталон удачно «вписываются» также русские партитивный (количественно-отделительный) и местный падежи [19, с. 162–165]. Вполне очевидна и его применимость к описанию четырехпадежных систем типа немецкой или типа представленной у французского и итальянского личного местоимения. Относится это и к (трехпадежной) микросистеме английского личного местоимения при интерпретации притяжательного местоимения как формы притяжательного падежа (ср.

парадигмы: *I* – ***my*** – *me*, *he* – ***his*** – *him*). Тем более справедливо сказанное для классической интерпретации микросистемы английского существительного как двухпадежной. При этом для каждого из упомянутых западноевропейских языков структура конкретной падежной (микро)системы представляется как некое поддерево описанного дерева.

Наконец, нельзя не отметить корреляцию между системой Р. О. Якобсона и сформулированными Ю. В. Рождественским фреквенталиями, согласно которым без существования родительного падежа не существует морфологического падежа вообще, существование дательного или местного падежа обусловливает различение винительного и именительного (или исходного) падежей, существование винительного падежа – существование именительного и (или) исходного, а существование эргативного или исходного падежа – существование именительного [7, с. 177–178]. Тем самым типологическое сравнение, осуществляемое на базе некоторого языка-эталона, позволяет получить достаточно нетривиальное знание о фундаментальных особенностях организации языковых систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ярцева В. Н.* Контрастивная лингвистика / В. Н. Ярцева // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 239.

2. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1988. – 750 с.

3. *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов : около 25000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин. – М. : Русский язык, 1998. – 848 с.

4. *Берман И. М.* Иностранный язык как предмет обучения / И. М. Берман // Теоретические основы методики обучения иностранным языкам в средней школе. – М., 1981. – С. 53–75.

5. *Helbig G.* Zur Rolle des kontrastiven Sprachvergleichs für den Fremdsprachenunterricht (Möglichkeiten, Voraussetzungen, Grenzen) / G. Helbig // Deutsch als Fremdsprache. – 1976. – H. 1. – S. 9–16.

6. *Аракин В. Д.* Сравнительная типология английского и русского языков / В. Д. Аракин. – Л. : Просвещение, 1979. – 259 с.

7. *Рождественский Ю. В.* Типология слова / Ю. В. Рождественский. – М. : Высшая школа, 1969. – 286 с.

8. *Штернеманн Р.* (рук.) и колл. Введение в контрастивную лингвистику / Р. Штернеманн // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1989. – Вып. XXV. – С. 144–178.

9. *Ярцева В. Н.* Контрастивная грамматика / В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1981. – 110 с.

10. Теория, история, типология языков : материалы чтений памяти В. Н. Ярцевой. – М. : Советский писатель, 2003. – Вып I. – 261 с.

11. *Абрамов Б. А.* Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков / Б. А. Абрамов. – М. : ВЛАДОС, 1999. – 288 с.

12. *Мыркин В. Я.* Каким быть учебному пособию по курсу «Сравнительная типология иностранного и родного языков»? / В. Я. Мыркин // Сопоставительный анализ лексических и грамматических единиц (категорий) в русском и германских языках : межвузовский сборник научных трудов. – Вологда, 1986. – С. 70–82.

13. *Журинская М. И.* Лингвистическая типология / М. И. Журинская // Общее языкознание : внутренняя структура языка. – М. : Наука, 1972. – Глава 8. – С. 516–544.

14. *Виноградов В. А.* Типология / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 512–514.

15. *Виноградов В. А.* Методы типологии / В. А. Виноградов // Общее языкознание : методы лингвистических исследований. – М. : Наука, 1973. – Глава 5. – С. 224–256.

16. *Зеленецкий А. Л.* Структура современной типологии и основные принципы сопоставительного описания языков / А. Л. Зеленецкий // Сопоставительные исследования семантического взаимодействия единиц разных уровней в системе немецкого и русского языков : межвузовский сборник научных трудов. – Тула, 1986. – С. 3–11.

17. *Зеленецкий А. Л.* Сравнительная типология основных европейских языков / А. Л. Зеленецкий. – М. : Академия, 2004. – 252 с.

18. *Степанов Ю. С.* Основы языкознания / Ю. С. Степанов. – М. : Просвещение, 1966. – 271 с.

19. *Якобсон Р. О.* К общему учению о падеже : общее значение русского падежа / Р. О. Якобсон // Избранные работы. – М. : Прогресс, 1985. – С. 133–175.

Калужский государственный педагогический университет

Зеленецкий А. Л., доктор филологических наук, профессор кафедры теории языкознания и немецкого языка

Тел.: (4842) 57-00-06

Kaluga State Pedagogical University

Zelenetsky A. L., Doctor of Philology, Professor, Department of theoretical linguistics and German language

Tel.: (4842) 57-00-06